

К изучению образа героя калмыцкой богатырской сказки The Kalmyk Heroic Tale: Studies of the Image of the Hero Revisited

Б. Б. Манджиева (*B. Mandzhieva*)¹

¹ кандидат филологических наук, ученый секретарь, Калмыцкий научный центр Российской академии наук (Элиста, Российская Федерация). E-mail: mbbairta@yandex.ru

Ph. D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Scientific Secretary, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: mbbairta@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются некоторые проблемы изучения образа героя калмыцкой богатырской сказки. В калмыцкой богатырской сказке герой-младенец рождается с явными признаками чудесного героя. Чудеснорожденный герой является хранителем очага, защитником рода-племени, приумножающим свое наследство путем получения приданого, уничтожения врагов-мангусов, претендентов на руку суженой богатыря. Наречение именем героя является значимым событием в эпической биографии, так как определяет его будущий героический путь.

Ключевые слова: сказочная традиция калмыков, богатырская сказка, чудеснорожденный герой, пуповина, золотая грудь, серебряная спина, наречение именем, хранитель очага.

Abstract. The article discusses some problems of studying the image of the hero in Kalmyk heroic tales. In such tales, the newborn hero comes into the world with evident signs of a magnificent hero. The miraculously born hero is a guardian of the hearth, protector of the tribe who multiplies his heritage through receiving dowry, eliminating hostile *manguses* (Kalm. ‘monster’) and other pretenders to the hand of his bride. The name-giving ceremony is an important event of the epic biography, since it predetermines the hero’s further path.

Keywords: Kalmyk fairy tale tradition, heroic tale, miraculously born hero, navel cord, golden chest, silver back, name-giving ceremony, guardian of the hearth.

В сказочной традиции калмыков выделяются сказки, посвященные богатырям, богатырским действиям героя. Главным героем калмыцких богатырских сказок является *баатр* — сказочный богатырь, который борется со злыми силами: мусами, мангасами, многоголовыми чудищами. В основе сюжета богатырских сказок

присутствует ряд мотивов чудесного рождения героя. Исходная ситуация связана с бездетностью пожилых супругов. По этому поводу В. М. Жирмунский пишет: «В богатырской сказке и в более позднем героическом эпосе народов Средней Азии почти универсальное распространение имеет зачин, рассказывающий о бездетных, уже состарившихся родителях, которые вымаливают у бога или какого-нибудь чудесного покровителя долгожданного наследника — будущего героя эпического повествования. В богатырских сказках тюркоязычных народов Сибири (алтайцев, шорцев, хакасов и др.) богатырь — обычно сын бездетных старика и старухи, достигших семидесяти, восьмидесяти, иногда ста лет» [Жирмунский 1960: 164].

Мотив бездетных старика и старухи присутствует в таких калмыцких богатырских сказках, как «Нээмн миңһн нас наслһн Улана Намжл» ('Восьмитысячелетний Улана Намджил') [Хальмг туульс 1968: 231–233], «Нальһн Цаһан ээжин Нээхл гидг баатр» ('Богатырь Найхал, сын Нальхан Цаган эджи') [Ramstedt 1919: 184–211].

В богатырской сказке «Нальһн Цаһан ээжин Нээхл гидг баатр» ('Богатырь Найхал, сын Нальхан Цаган эджи') мотив чудесного рождения описывается следующим образом: *Кезэнэ санжэ, аздытака нутгта, алмст-така булгта Зэгр богд хан гидг хан санжэ. Түүнэ нутгт нутглэж бээдг Нэльһн Цаһан ээж гидг эмгн санжэ. Уульх унжэх үрн-садн уга санжэ. Нэльһн Цаһан ээж генткн гесднэ. Гесдэд иргч өөнднь һарх гихэд жирһл-дүргл кеһэд бээнэ. Иргч өөнднь эс һарна. Һурвн жил болад оркна, һурвн жил болад һарна* 'Давно это было, жил-был Загир Богдо-хан в своем Азат Така нутке, а булуг-источник у него назывался Алмаст Така. Жила у него в нутке старуха, и звали ее Нальхан Цаган эдже. У нее не было детей, которые бы плакали и кричали. Вдруг Нальхан Цаган эдже затяжелела. Стала она жить-поживать с хорошими мыслями, что в скором времени родит. Но в положенный срок она не родила. Прошло три года, через три года у нее родился [сын]' [Ramstedt 1919: 184].

В калмыцкой богатырской сказке мотив бездетности взаимосвязан с последующим мотивом вымаливания у святых сына-наследника. Так, например, в сказке «Нээмн миңһн нас наслһн Ула-

на Намжл» (‘Восьмитысячелетний Улана Намджил’) у хана и его жены не было детей, но было всего полно, имелись бесчисленные стада «пяти мастей», золото и прочее богатство, «у нас не рождается дитя, чтобы было кому поплакать». Старики обращаются к ламе-отшельнику, который предсказывает рождение долгожданного ребенка [Хальмг туульс 1968: 231].

В богатырской сказке тема семьи, продолжения рода — основная, чудеснорожденный герой является «хранителем очага, защитником рода-племени, приумножающим свое наследство путем получения приданого, уничтожения врагов-мангусов, претендентов на руку суженой богатыря» [Кичиков 2008: 162].

Защитник рода-племени богатырской сказки в калмыцком героическом эпосе «Джангар» преобразуется в наследника эпического властелина. В сказочном повествовании новое поколение оказывается сильнее предыдущего, в эпосе, в частности в Малодербетовском цикле (1862 г.) «Джангара», герой-младенец рождается как спаситель страны Бумбы. Таким образом, чудеснорожденный герой богатырской сказки, «эволюционируя, преобразуется в центральный образ героического эпоса» [Никифоров 1915: 162]. Композиционные приемы и эпизоды, повествующие о рождении героя-наследника, сына Джангара, нареченного Шовшуром, свидетельствуют о том, каких вершин достигали в своем творчестве калмыцкие джангарчи. Тема продолжения рода получает качественно новое освещение в разрешении государственных задач, от вопроса престолонаследия переходит к проблеме возрождения Бумбайской страны. Вместо перечисления богатств хана в сказке мы видим показ Бумбайской державы, изображение ее величия в прологе цикла, а вместо жалобы на бездетность — скорбное молчание Джангара, вызвавшее сначала недоумение, а потом и обиду приближенных богатырей [Джангар 1978: 166].

Таким образом, традиционный сказочный мотив бездетности с последующим мотивом вымаливания сына-наследника, а также мифологический мотив рождения наследника у престарелой героини в калмыцком эпосе «Джангар» трансформируется и сменяется образом героя-спасителя Бумбайской страны. Калмыцкие джангарчи отказались от прямолинейной разработки традиционного

мотива бездетности, потому как прямое повторение не соответствовало бы характеру эпического героя.

В калмыцкой богатырской сказке герой-младенец рождается с явными признаками чудесного героя — чаще всего с золотой грудью и серебряной спиной или серебряной поясницей. Так, в сказке «Бодь Номин хан» чудеснорожденный герой носит имя Алтан Кюкюл ('Золотая Коса'), он родился с золотой грудью и золотым хохолком [Кичиков 2008: 43]. Этот мотив распространен и в тюрко-монгольском архаическом эпосе: у алтайского героя Кан-Пуден «грудь из золота, спина из серебра», также встречается необыкновенный герой хакасского эпоса Хан-Мерген, который родился с «золотой спиной и серебряным задом» [Калмыцкий фольклор 1941: 200].

Еще одним из признаков чудесных примет героя сказки «Бодь Номин хан» является необыкновенная пуповина новорожденного, которую перерезают желтым мечом отца младенца Бодь Номин хана. В этом эпизоде присутствует взаимосвязь необыкновенного ребенка и его отца, так как перерезать пуповину обычными средствами невозможно. Считалось, что пуповина — это сосредоточие жизненной силы, получаемой при рождении, перерезать ее необходимо было определенным инструментом, в данной сказке отец перерезает своим мечом, который олицетворяет символ богатырства, могущества воина, защитника.

В героическом эпосе «Джангар» с необыкновенной стальной пуповиной рождается наследник Джангар-хана Шовшур. Джангару, чтобы перерезать пуповину своего младенца, потребовался его чудесный меч, именуемый «Билгин Шарбанг» [Джангар 1978: 182]. Согласно сказочной традиции калмыков, стальная (бронзовая, каменная) пуповина представляет собой одно из вместилищ «жизни-души» (*амн-сүмсн*) персонажа.

Наречение именем героя «играет весьма существенную роль в эпической биографии как магическое благословение и предсказание его будущего героического пути» [Жирмунский 1974: 233]. Герой богатырской сказки чаще всего характеризуется как *алдр* 'славный', *кучтэ* 'сильный', *сээхн* 'красивый' [Борджанова 2002: 5].

В калмыцкой сказке «Восьмитысячелетний Улана Намджил» герой имеет два имени, оказалось, что Намджилом зовут его однохотонцы, а его настоящее имя Джо было дано при рождении с чтением молитвы в ознаменование наречения именем [Хальмг туульс 1968: 233]. В сказке акт переименования юного богатыря имеет мифологический характер. Безымянный юный герой, совершивший свой первый подвиг, — это герой, отправившийся в далекий поход в иной мир.

В богатырской сказке герой неразрывно связан с конем, который является и спутником, и помощником героя. Прекраснейшие описания коня, воспевающегося в сказках, эпосе и других жанрах фольклора, соответствовали эстетическим запросам аудитории. Магтал коню — наиболее своеобразный и характерный жанр фольклора кочевников, известный как самостоятельный жанр и как вставные «стихотворные, поющие описания» в эпосе. Описание красоты и достоинств коня, существующее в форме традиционного магтала (хвалы), имеет широкое распространение в эпической поэзии монголоязычных и тюркоязычных народов. В богатырской сказке конь воспевается при помощи украшающих эпитетов, устойчивых сравнений и других поэтических образов.

Б. Л. Рифтин в статье «Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей (магтал коню и всаднику)» отметил важную особенность темы как «расчлененное» описание коня, то есть «по частям», с явной гиперболизацией [Рифтин 1982: 70]. С той же схематичностью эта константа разработана в богатырской сказке «Цөн малта Цөңгтл гидг эмгн өвгн хойр» ('Старик и старуха Ценгетел, имеющие мало скота') [Калмыцкий фольклор 1941: 135–140].

В сказке различных народов упоминаются принадлежности конского снаряжения с разными отличиями, но с одной и той же полнотой и любованием. К предметам конского снаряжения относятся: седло с подушкой и стремянами, потники, подпруги, подхвостник, нагрудник, узды и уздечка, поводья, подшейная кисть, а также аркан, путы, торока, переметные сумы и пр. Седло является символом воинской полноценности мужчины, его достоинства. В эпосе седло описывается очень подробно со всеми принадлеж-

ностями и в соответствии с действительными особенностями его у коневодческих народов. Богатырский конь, как и его хозяин, обладает чудесными свойствами, одна из его способностей — это умение летать над землей. С помощью коня герой достигает необходимой цели, совершает богатырские подвиги и побеждает врага [Манджиева 2015].

Героическое сватовство, поездка в чужие края раскрывают богатырские качества героя, его мужество, находчивость и силу. Этот мотив является опорным во многих калмыцких богатырских сказках. Есть сюжеты, в которых отсутствуют состязания: юный герой вступает в поединок с врагом и убивает его.

Таким образом, будущий герой-наследник престарелых родителей рождается дома, получив предназначенного коня, герой спешит к своей суженой и, одержав победу над соперником (врагом), женится и возвращается к родителям. Чудеснорожденный герой является хранителем очага, защитником своей земли, своего рода-племени.

Литература

Борджанова Т. Г. Сказочная традиция калмыков // Сандаловый ларец. Калмыцкие народные сказки / сост., пер., предисл., коммент. Т. Г. Басанговой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. С. 3–38.

Джангар. Калмыцкий героический эпос / сост. А. Ш. Кичиков; ред. Г. И. Михайлов. М.: Наука, 1978. Т. 1. 441 с.

Жирмунский В. М. Сказание об Алпамыше и богатырская сказка. М.: Вост. лит., 1960. 335 с.

Жирмунский В. М. Тюркский героический эпос. Л.: Наука, 1974. 726 с.

Калмыцкий фольклор / сост. Ц. О. Леджинов, Г. М. Шалбуров. Элст: Хальмг госиздат, 1941. С. 135–140.

Кичиков А. Ш. Архаические мотивы происхождения героя и их трансформации в версиях «Джангара» // Учитель, ученый, просветитель. Профессор А. Ш. Кичиков. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2008. С. 131–163.

Манджиева Б. Б. Конь героя в калмыцкой богатырской сказке и в героическом эпосе «Джангар» // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1. URL: www.science-education.ru/121-18302 (дата обращения: 22.11.2015).

Никифоров Н. Я. Собрание сказок алтайцев / с примеч. Г. Н. Потанина.. Омск: тип. штаба Омкс. в окр., 1915. 293 с.

Рифтин Б. Л. Из наблюдений над мастерством восточномонгольских сказителей (магтал коню и всаднику) // Фольклор. Поэтика и традиция. М.: Наука, 1982. С. 70–92.

Хальмг туульс / сост. А. Ц. Бембеева, Ц.-Д. Номинханов. Т. 2. Элст: Хальмг дегтр haphач, 1968. 266 с.

Ramstedt G. J. Kalmckische Sprachoben. Kalmuckische Marchen. Helsinki, 1919. S. 184–211.

References

Bordzhanova T. G. Fairytale Tradition of Kalmyks. In: Sandalwood Casket. Kalmyk Folk Tales. T. G. Basangova (comp., transl.). Elista: Kalm. Book Publ., 2002. Pp. 3–38. (In Russ.)

Dzhangar. Kalmyk Heroic Epic. A. Sh. Kichikov (comp.). G. I. Mikhailov (ed.). Moscow: Nauka, 1978. Vol. 1. 441 p. (In Russ.)

Kalmyk Fairy Tales. A. Ts. Bembeeva, Ts.-D. Nominkhanov (comp.). Vol. 2. Elista: Kalm. Book Publ., 1968. 266 p. (In Kalm.)

Kalmyk folklore. Ts. O. Ledzhinov, G. M. Shalburov (comp.). Elista: Kalmyk Gosizdat, 1941. Pp. 135–140. (In Russ.)

Kichikov A. Sh. Archaic Motives of the Hero's Origin and their Transformation in the Versions of "Dzhangar". In: Teacher, Scientist, Enlightener. Prof. A. Sh. Kichikov. Elista: Kalmyk State University Publ., 2008. Pp. 131–163. (In Russ.)

Mandzhieva B. B. The Horse of a Hero in a Kalmyk Fairy Tale and in a Heroic Epos "Dzhangar". *Modern Problems of Science and Education*. 2015. No. 1. Available at: www.science-education.ru/121-18302 (accessed: 22 November 2015). (In Russ.)

Nikiforov N. Ya. Collection of Altai Tales. G. N. Potanin (comment.). Omsk: Print. shop of Omsk Military District Headquarters, 1915. 293 p. (In Russ.)

Ramstedt G. J. Kalmyk Speech Samples. Kalmuck Fairy Tales. Helsinki, 1919. Pp. 184–211. (In Germ.)

Riftin B. L. From Observations on Skill of the East Mongolian Storytellers (Glorification of the Horse and the Rider). In: Folklore. Poetics and Tradition. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 70–92. (In Russ.)

Zhirmunsky V. M. The Tale of Alpamysh and the Heroic Tale. Moscow: Vost. lit., 1960. 335 p. (In Russ.)

Zhirmunsky V. M. Turcik Heroic Epic. Leningrad: Nauka, 1974. 726 p. (In Russ.)